

Б. Житков

Виктор Вавич

Книга третья

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б11

Б. Житков
Б11 Виктор Вавич: Книга третья / Б. Житков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-3139-4

Роман "Виктор Вавич" Борис Степанович Житков (1882-1938) считал книгой своей жизни. Работа над ней продолжалась больше пяти лет. При жизни писателя публиковались лишь отдельные части его "энциклопедии русской жизни" времен первой русской революции. В этом сочинении легко узнаваем любимый нами с детства Житков - остроумный, точный и цепкий в деталях, свободный и лаконичный в языке; вместе с тем перед нами книга неизвестного мастера, следующего традициям европейского авантюрного и русского психологического романа. Тираж полного издания "Виктора Вавича" был пущен под нож осенью 1941 года, после разгромной внутренней рецензии А. Фадеева. Экземпляр, по которому - спустя 60 лет после смерти автора - наконец издается одна из лучших русских книг XX века, был сохранен другом Житкова, исследователем его творчества Лидией Корнеевной Чуковской

ISBN 978-5-4241-3139-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Б. Житков, 2021

Житков Борис Степанович
Виктор Вавич (Книга 3)

ВИКТОР ВАВИЧ

Роман

КНИГА ТРЕТЬЯ

Велосипеды

В ОТДЕЛЬНОМ кабинете в "Южном" - и дверь на замке, и штора спущена Виктор сидел на диване. Расстегнул казакин, и стала видна рубашка - белая в розовую полосочку. Через стол в рубашку глянула Женя, прокусила конфету, и сироп закапал на платье.

- Ой, все через вас! - крикнула Женя и привскочила со стула. Сеньковский схватил в комок салфетку, стал тереть, больше тер по груди, нажимал с силой.

- Хы-хы! - Болотов с края стола давился куском, держал обе горсти у рта, раскачивался. - Как вы... того... с женским полом... по-военному.

- Э, а то не так бывало, - Сеньковский бросил под стол салфетку, сел, - а то... - он погрозил Жене пальцем, - мы и прищипить умеем.

- Прищипить! - и Болотов совсем сощурился. - Озорник, ей-богу!

- Гвоздиками! - и Сеньковский присунул лицо к Жене. Женя глянула и перевела по скатерти взгляд на Виктора. Виктор взялся за ус. - Жидовочек! крикнул Жене Сеньковский. - И жидов тоже. Ух, погодите, мертвым позавидуете! - И Сеньковский застучал пальцем по столу.

- Я жидовка, чего с жидовкой возитесь? Шли бы себе до русских. А что? Еврейка слаще?

- Конфета, скажите! - и Вавич выпятил губу.

- Может, горчица? - и Болотов налег на стол и глядел то на Сеньковского, то на Виктора. - А? - И вдруг один зароготал, откинулся, закашлялся. - Тьфу!

- Не! - и Болотов хитро сощурил глаз. - Не! Теперь вам повадки не будет. Теперь и мы поумнели. Жиды друг за друга - во! Огнем не отождешь. А мы теперь тоже - союз! - И Болотов вскинул сжатым кулаком и затряс в воздухе. - Союз! - Болотов встал. - Союз русского народа! Православного! Болотов грузно поставил кулак на стол и вертел головой. И вдруг ляпнул пальцами по столу как скалкой: - Наливай! Витя! Наливай распроклятую. И ей, пусть пьет. Хочь и подавится.

Виктору пришлось полстакана.

- Требуй еще! - кричал Болотов. - А вы бы, прости вашу мать, - Болотов махал пальцем чуть не по носу Жени, - сидели бы вы смирно, ни черта бы! Целы были бы. А то забастовки! Ну? Несет он? - крикнул Болотов в двери. - А то я одного екатеринославского хохла спрашиваю, как, спрашиваю, забастовка у вас-то была? А он говорит, такую, говорит, забастовку зробили, говорит, что ни одного жиди не засталось. Ни одного, говорит... Вот это молодец сразу две приволок, - Болотов стучал ладошкой в доньшко, выбивал пробку.

- Куда? Куда? Стой! - Сеньковский ловил Женю. - Ну, садись! Подругу? Пошлем. Звони! - кивнул он Виктору, а сам давил Жене пальцы. Женя рванулась, юркнула вокруг стола, села Виктору на колени, ухватила под мундиром рубашку.

- Чего он мне пальцы выкручивает? Нина, Нина! - кричала она: в дверях стояла высокая блондинка, тяжелая, с густо намазанными бровями. Брезгливо отвела вбок крашеную губу. Подняла плечо.

- За царя, отечество и веру православную! - возгласал Болотов и, стоя, глотал водку из стакана. - Тьфу! - сплюнул Болотов и помотал головой. Бо-же, царя... -

затянул Болотов. - Встать, встать, все встать! Боже, царя хра-ни! и! - и водил рукой, будто кота гладил. Оркестр за стеной сбавил голоса, Виктор тянул тенором, не попадал. - Ура! - крикнул Болотов. Он, стоя, ткнул вилкой в селедку, будто ударил острой. - Во! И я пошел! Пошел, ребята, не могу. Дай поцелую! - и он тянул к себе через стол Вавича. - Гуляйте. А что? Дело молодое, а супружница в последнем интересе. Пошел я!

- Только ты, Сеньковский, смотри... - Виктор шатнулся и ткнул плечом Сеньковского. - Вместе гуляли и не лягавить! - Виктор остановился на мокрой панели и поднял палец. Сеньковский глядел через плечо.

- Пошли! - и он дернул Виктора за рукав. - Зюзя! Под фонарем стал.

- Ты за Женю на меня не обижайся, - Виктор икнул.

- Да с Богом, вали. Не жалко.

- Нет, не то "не жалко", - Виктор опять остановился, он толкал Сеньковского. - Нет, ты той не налягавь... - Виктор старался поймать глаза Сеньковского. - Ва-Варе... она, я говорю... не любит, чтоб с такими...

- Бойтся, чтоб не занес чего, - и Сеньковский мазнул глазами через Викторо-вы глаза. Повернулся, оставил Виктора.

Коротко позвонили четыре раза. Санька вскочил и пошел отворять. Он еще прихрамывал простреленной ногой. Больше по привычке уже, а еще больше для дорогой памяти. Но горничная уже отворила, и в двери просунулось сперва колесо велосипеда, легко вздрогнуло на пороге на упругой шине, и следом протис-нулся человек с черными глазами - одни глаза эти и увидел Санька. Глаза ясно, твердо вошли в Саньку, и на миг Санька отшатнулся. Потом глаза отпустили, и Санька увидел, что человек небольшого роста и очень хорошо одет. С тоном одет, а не франтовато. А вон тоже с велосипедом, Подгорный Алешка.

- Здорово! Можно? - и Алешка двинул свой велосипед по коридору.

- Прямо, прямо! - Санька сторонился, давал дорогу. Подгорный завернул к Саньке в комнату. Санька вошел, запер дверь за собой и все глядел на нового человека. А тот аккуратно и прочно устанавливал свой чистенький велосипед у Санькиной этажерки.

- Знакомся! - Алешка перевел дух. - Кнэк.

Кнэк быстро сдернул перчатку - какая перчатка! Как масляная, подал руку. Ручку! Но крепкая какая! И придавил по-железному.

- Садитесь! - Санька пододвигал стулья.

- Вот дело, - начал Алешка и глянул на Кнэка.

- Дело очень важное. - Санька всем ухом бросился на этот голос, скорей разгадать. С акцентом. С каким? И очень аккуратно выговаривает, как печатает. - Важно и спешное к тому же. - Кнэк полез в карман мягкого пиджака, вынул конверт. Санька не сводил глаз - толстый конверт. Кнэк двумя пальцами вытащил черный железный квадрат. Он был с четверть дюйма толщины. Кнэк легко, как бумажный, за кончик протянул его Саньке. - Видите, тут сверлили. - Кнэк мизин-цем указал на углубление посредине - легкая щедринка. - Сверло не берет. Он гартованный, каленый значит. Возможно, его возьмет какая есть кислота? Вы химик.

Алешка поглядывал на Саньку и ловил на коленях пальцы в пальцы.

- Ну, одним словом, - гулким полуголосом договорил Алешка, - это шкаф несгораемый. Нужно обвести вот такую дырку, - Алешка начертил в воздухе

пальцем квадрат, - и сроку четверть часа. Вот и скажи, попробуй и скажи: можно кислотой или не возьмет она?

Санька смотрел то на стальной квадрат, то на Алешку, и каждый раз, как проволоку, пересекал взгляд Кнэка.

"Вон он Кнэк", - думал Санька и краснел. Про Кнэка давно слышал от Алешки. В первый же раз, как Алешка пришел вдруг в штатском, с русой бородой. Теперь он Сергей Нехоршее.

Санька в ответ на свою красноту нахмурился и старался сделать солидное ученое лицо, вглядывался в щедринку на стали - пригнулся совсем.

- Хорошо. Испытаю. Есть, конечно, вероятность. Кнэк встал.

- Вам три дня достанет? - и он тряхнул Саньке руку и держал в своей, глядел в глаза. Санька мотнул головой. Кнэк выпустил руку.

- Я очень рад вам, - сказал Кнэк и уж поднял на дыбы велосипед, чтоб повернуть в комнате.

Танечка поднималась по лестнице к Тиктиным. На площадке молодой человек с велосипедом дал ей дорогу, прижался к стене и легко взмахнул вверх переднее колесо.

- Мерси, - сказала Танечка и глянула боком глаза - другой, большой, поднял весь велосипед, как будто замахнулся им на Таню. Таня пригнулась и сделала быстрых два шажка.

- Не от вас двое, - спросила Саньку Танечка, - с велоси педами?

- Нет... - и Санька улыбнулся конспиративно.

- От вас, - и Таня медленно кивнула головой.

- Ну от нас. Пускай от нас, а что? - Саньку забавляло, что Таня не узнавала Алешку.

- Ничего. Один, поменьше который...

- Глаза? Да? - и Санька закивал головой - угадал, дескать.

- Нет, не глаза, а просто он очень красивый. Лицо замечательное. Не видала таких.

Санька отошел, будто к пепельнице, и хромал больше, чем всегда, увереннее.

- Нога ж у вас не болит? - и Таня обернулась навстречу Анне Григорьевне. - Понимаете, Анна Григорьевна...

- Хочу и хромаю, - говорил Санька и волок ногу в двери, чиркнул с силой спичку, закурил. - Кому какое дело?

Он прошел к себе в комнату, громко придвинул стул, сел за стол и стал держать в руке тяжелый кнэков квадрат. Шурился на него. Подул. Таня не шла. Он слышал голоса в столовой - завтракали! Санька опустил квадрат в карман тужурки и вышел в переднюю, натягивал шинель и слышал Танин голос:

- ...да нет, просто так и напечатано: для охраны городского - пять человек из жителей данного квартала. Не данного, а как-то там...

Санька надел шапку и толкнул ногой дверь.

Таня слышала, как Санька захлопнул входную дверь.

- Глупо, - тихо сказала Таня и поглядела в окно.

- Что вы говорите? - Анна Григорьевна заглядывала в лицо Тане.

- Глупо, говорю, вот сказано, - Танечка оживленно заговорила, - что вот кто же кого охраняет: городской население или население городского?

- Неужели так и сказано?

- Да-да-да! Так и напечатано, - и Тиктин вышел из двери кабинета.

- Мое почтение! - он шаркнул Тане и отмахнул вбок рукой с листом. В другой сверкнуло пенсне. - Стойте, - он приподнял и тряхнул пенсне.

Таня глядела на Тиктина, и Анна Григорьевна повернула голову. Гребень выскакивал, и она подхватила рукой затылок.

Тиктин сел против Тани, разгладил перед собой лист.

- Что такое? - Анна Григорьевна тянулась, перебирая в прическе шпильки.

- Pardon! - Андрей Степанович прикрыл лист рукой и посадил пенсне на нос. - Какая б куца ни была конституция, - строгим голосом начал Тиктин, но она сейчас единственный несомненный факт

- А городовые с охраной? - и Танечка прищурилась на Андрея Степановича.

- О городских мы сейчас поговорим, - лекционным тоном произнес Андрей Степанович и отмахнул со лба волосы. - Так вот-с.. - он прихлопнул по листу, - и эту конституцию надо использовать. Для этого около выборов должна быть построена организация, партии иначе говоря, избирательные партии, - нажал голосом Тиктин, - с определенной программой, принципами и так далее. Теперь прошу внимания!

Тиктин снял с листа руку и поправил пенсне

- Это проект пока. - Глянул вверх пенсне на Таню - Вот-с Самодержавность народа Нет! виноват: Правовое самодержавие народа

Воля народа,

Счастье его,

Свет и свобода

Прежде всего

Бальмонт... Когда обеспечены основные права гражданина и этим поддерживается законность в государстве, народоправство делается правовым. Самодержавие народа в издании им для себя законов, то есть во власти зако-но-дательной, - Тиктин глянул на жену, на Таню.

- Ну-ну! - и Таня стукнула каблучком под столом

- Законы, которые определяют форму правления, права властей, учреждений, их обязанности и взаимные отношения называются основными или конституцией. Она устанавливается на долгое время, и все остальные законы должны вытекать из нее. Таким образом, всякое свободное, - громко прочел это слово Тиктин, - государство должно быть правовым, а следовательно, и конституционным

И он хлопнул ладонью по листу

- Хорошо, хорошо, а дальше! Дальше-то что?

- Свобода слова! И печати, - Тиктин ткнул Таню глазами, - является прямым следствием признания свободы совести

- Слушайте! Перейдемте туда, - сказала Анна Григорьевна, - а то здесь сейчас накрывать будут

- Нельзя минуточку? - досадливо сморщился Тиктин.

- Ведь смотри сколько, - Анна Григорьевна поддела пальцем листы

- Эх! Ну ладно! - Тиктин сбросил пенсне, подобрал листы и, не глядя ни на кого, прошел в кабинет, запер за собой дверь.

- Ну, я пойду! - и Таня встала. - Спасибо, только что пила. Честное слово.

Рыбкой

ВИКТОР качнулся и толкнул Фроську.

- Спит? Свет, говоришь, горит? Фроська сдергивала рукава шинели.

- Папаша? Какой папаша? А! Приехал?

Виктор раскидистой походкой пошел по коридору, повернул лихо ручку, распахнул дверь, шагнул и качался, держась за ручку

Петр Саввич сидел у Груниной постели, подобрал ноги под стул и аккуратно переплел руки на груди

Он минуту глядел на Виктора и молча, с улыбкой кивал головой

- Здравс-сте - Виктор все еще боялся отпустить дверь Петр Саввич поднялся и протянул обе руки, зашагал к Виктору

- Здравствуй, здравствуй! По письму по твоему прикатил! - он положил Викторову руку к себе на ладонь, а другой прихлопнул с размаху. Сунулся поцеловаться. Но Виктора качнуло назад. Поцелуй не вышел Груня спускала ноги с кровати В желтом капоте Исподлобья глядела на Виктора, на отца.

- Откуда же? - и Петр Саввич выпустил Викторову руку - Гуляли? - и шаг отступил назад

- Чай пить будешь? - Груня смотрела в стену на ходу

- А непременно, непременно. Очень рад. С начальством, - сказал Вавич, когда Груня вышла, и моргнул бровями.

- Да-да, - говорил Петр Саввич торопливым голосом, - знаю, знаю. Это уж как же Не откажешься тут. Тут уж конечно. Куда деться?

- Хочешь служить, - вдруг громко вышло у Виктора, - и другим хочешь дать служить, - Виктор с закрытыми глазами наклонил голову, - так уж, - и он вдруг строго глянул на старика, - не отказывайся! - и Виктор помахал пальцем перед носом у Петра Саввича. Даже чуть хлопнул по кончику. Служить надо уметь, - говорил Виктор в столовой, откинулся на кресле. И вдруг глянул на Груню. Груня тяжелыми глазами глядела из-за медного чайника с того конца стола. - А чего? - Виктор подкинул подбородком на Груню. Теперь, голубушка, уметь надо. А не шляпой... какой.

Петр Саввич покачивался на стуле и тер в такт коленки. Он глядел на Виктора и мигал мленько.

- Пей да ложись, лучше будет, - сказала хмуро Груня, - наслужился. Груня запахла крепче желтый капот, встала, вышла из комнаты.

Петр Саввич поднял брови и чуть дернулся головой за Груней и скорей замигал на Виктора. Нагнулся.

- Женщины не понимают, - прошептал Петр Саввич.

- А чего там? - громко говорил Виктор. - Очень просто. Вон пять человек городского охраняют, а я один... один хочу. - Виктор сел в кресле боком. - А почему охрана - понятно: запросили городских-то! Ах, грабят! Ах, режут! Ой, гевалт! - кричал Виктор. - Что? Не вкусно? Пожалуйста - вот вам городовые, так умеете беречь. А то бьют, как баранов, на каждом углу, а все смотрят. Когда вот жидов стали бить, так "ой-вей, где городской?" Городовой пусть ото всего... ото всего народа пусть заслонит, - и Виктор растопырил руки. - А когда городских стреляют, так это так и надо! Кто ж за городского-то! - орал Виктор.

Он встал. За спиной Фроська затворила дверь из коридора.

- Спит как бы, быть может, мешали, - сказал Сорокин шепотом.

- Спать? А сейчас спросим! - и Виктор криво застучал в дверь - к Груне.

У Груни было темно.

- Мешаем? Спать, спрашиваю, мешаем? - громко, с треском спрашивал Виктор.

Никто из темноты не ответил.

- Как угодно-с! - Виктор повернул назад, дернул дверь. Дверь отскочила назад, возился, запирал. А тут Петр Саввич все шепотком:

- Да и мне с дороги... того, ко сну, что ли, вроде. Виктор еще раз дернул дверь:

- Как угодно-с.

Он сел на свое место. Петра Саввича не было.

- Как угодно-с, - сказал вполголоса Виктор один в столовой и вытащил толстую папиросу "Реноме". И звенело в ушах.

- А и черт с вами, - громко сказал Виктор в пустой комнате, подцепил двумя пальцами графинчик, опрокинул горчицу и пошел к себе. Свет так и оставил гореть. - Пожалуйста, не мое это дело.

Он зажег свет у себя и стал пристраивать на стол графинчик, и вдруг письмо. Нитяным незнакомым почерком адрес. А черт с ней - просительница. Виктор сел в кресло. А как она, Женя-то! На диване ловил, а она рыбкой раз! раз! Наши не могут, наши коровы.

- Хоть дои! - сказал вслух Виктор. - Доить впору. - И вспомнил, каким весом прошла Груня в желтом капоте. - А ты рыбкой, - шептал Вавич. И вдруг страшно стало, что Сеньковский разболтает. А не от нее ли письмо? А вдруг? И Виктор схватил конверт и быстро вскрыл.

Ровными паутинными буквами крупно записан лист.

"Дорогой Виктор, Витя, дитя мое родное. Не удивляйся, это мама тебе пишет. У нас несчастье. Я встала, а Тая слегла. Да и не слегла даже, а хуже того, в больнице она сейчас в земской, в психиатрическом, во втором женском отделении. Я хожу каждый день - пять верст туда, знаешь. И кто говорит нервное, кто - психическое на почве потрясений. У нас в театре избивали статистиков и даже гимназистов, безобразная у нас полиция, и Тая была в театре, чуть не сторели все, только ее спас, помнишь, музыкант Илья Соломонович господин Израильсон. И теперь я не знаю, что будет. Отец не знает, что я тебе пишу. Ужас, что тут было. Всех воров из тюрьмы напустили на людей, и много невинных жертв. И он теперь твоего имени слышать не может. А она, говорят, все этим музыкантом бредит, а он еврей, да и кому нужно сумасшедшую и даже больную милую мою, дорогую мою, Таечку мою бедную. Он очень хороший, и я его всем русским нашим в пример, и мы должны за него век Бога молить. Один доктор, Герасимов, может, помнишь, старичок, говорил, что, может быть, все пройдет, если ей замуж выйти. Что бывало такое. У нежных людей даже просто от любви бывает такое, а потом проходит, если все хорошо. Меня к ней сейчас не пускают, я ее раз издали видала, милую мою, бедную. Ах, Витя, был бы ты с нами, может быть, всего бы этого не было. Целую тебя, родной мой, крепко. Может, ты бросишь это и сюда куда-нибудь, хоть на почту, он простит. Он ведь какой хороший у нас.

Твоя мама.

Какое исцеление-то мое горькое".

Виктор запыхался, пока читал письмо. Он оглянулся опасливо, не видал ли кто. На цыпочках вышел в столовую, погасил свет, запер дверь на ключ и снова

стал читать, чтоб лучше расслышать буквы.

Канавка

САНЬКА обгородил воском канавку на стальном квадрате. Канавку в виде буквы Т. Спросят - оригинальная доска на двери, выжигают буквы. В канавку налил царской водки. И вздрагивала рука, когда лил, в голове виделось: ночь, потайные фонарики, шепотом, и страшно, а им все равно, и чья-то воля держит, и нельзя уйти, ноги дрожат, как тогда на лестнице в медицинском. И не уголовщина, конечно, не уголовщина, коли Алешка. Именно потому и не уголовщина, что прожигать. У воров специалисты-взломщики, отмычники. Да почему непременно меня попросят? Не решусь отказать. Санька ясно представил, как Алешка скажет: поможешь, что ли? И непременно равнодушно придется сказать: отчего ж, можно. Ведь из трусости только можно отказать, потому что, наверное, на революционные цели.

И Санька и надеялся и боялся, что с кислотой ничего выйдет. Санька прождал пять минут и смыл кислоту. Смерить, сколько за пять минут проела. Никто не подошел к вытяжному шкафу, никто не глядел, с чем возился Санька.

Было утреннее время, никто еще не приходил, и только служитель Тадеуш пополскал новые колбы под краном и тихо пел. И веселое такое пел, короткими кусочками. Санька подошел к большому окну, разглядеть, смерить, высоко, поверх всех домов, видно и неба сколько, будто первый раз увидал. И облака клубом идут, по-весеннему, прут небом лихо, стаей. И небо за ними веселым глазом мелькнет - скроется. А Тадеуш мазурку наладил какую-то.

Муве паненка,

Цо те разбендзе.

И в Саньку лихой дух вошел.

Нех поховаюць,

Ксендза не тшеба!

И Санька совсем веселым разбойником глядел и шурился в канавку, будто нож отточил и пробует. И на облака глянул, как на товарищей, и подтянул Тадеушу:

Нех поховаюць,

Ксендза не тшеба!

Проело мало, на три четверти миллиметра. Санька завернул квадрат в фильтровальную бумагу, сунул в карман, запел под Тадеуша:

С этим не вышло,

Другим пособим!

И захотелось на улицу, новым духом всех оглядеть. Стукнул дорогой Тадеуша по плечу:

Другим пособим!

- А нам кто пособлять будет? - смеялся Тадеуш, тряс мокрые руки.

Санька бежал по внутренней лестнице и стучал кулаком по перилам все под мазурку:

Нех поховаюць,

Ксендза не тшеба!

Санька круто поворачивал на последней площадке, не глядел на встречного, и тот вдруг положил ему на плечо руку. Санька с разгону пролетел две ступеньки и все еще пел в уме:

Ксендза не тшеба!

А это Кнэк.

- Я к вам.

Санька все собирал брови в серьезный вид.

- Вы начали. А не надо уже. Уж иначе и очень легко. Спасибо.

- Да я тут уж... - Санька полез в карман. Кнэк мягко придержал Санькину руку.

- Не беспокойтесь. - Кнэк стал сходить с лестницы. Они уж были в дверях. - Скажите Башкину, - Кнэк на миг глянул Саньке в глаза, - что я его убью, где встречу: на улице, в церкви, в театре. Скажите ему, что товарища Короткова повесили. Этой ночью.

Кнэк приподнял шляпу, очень мягкую, ласковую такую шляпу.

Санька смотрел, как Кнэк улыбался, очень вежливо и так открыто, и Санька был рад, что вот такой, и с каким доверием, с каким уважением, и в то же время понятно, что не надо вместе идти.

"Это вот настоящий, настоящий", - думал Санька и шел, как тогда из гимназии с выпускным свидетельством, и улыбался - вежливо и снисходительно всем проходяим. "А он убьет, наверно, так и трахнет на первом же углу этого Башкина... - И на миг загнулось дыхание. - Повесили одного". - Санька хотел перевести себя на давешнюю песню, не мог вспомнить.

Санька шел сбивчивыми ногами, чуть не толкнул даму. Подошел к витрине, глядел на выставленные подтяжки и хмурился, не видя. Вошел в чужой двор, отыскал уборную, оглянулся и быстро швырнул в дыру стальной квадрат.

- А нет, так займи! - кричал Наде Филипп. - У старухи поди займи. Ну чего стоишь? Что тебе трудно полтинник спросить?

Полтинник этот на водку. Филипп не допил, а еще полбутылки, даже меньше, осовеет, будет только плевать по углам и харкать. Мычать и харкать. А потом сразу повалится спать и папироски не потушит.

- Филя! Голова болит? - Наденьке хотелось, чтоб с ласковой жалобой сказал, что болит - ведь, наверно, болит. Наденька накинула на голову шаль.

- Да иди ж ты! - Филипп обернулся, сморщился.

Надя вышла - на сырой темный двор, на веселый ветер - торопливый, замашистый. На ветру побрякивала пустая кляшка на соседских дверях. Наденька стукнула.

- Не заперто, входи! Кто? - и морщится в темноту старуха от плиты и крепко пахнет жареным луком.

- Добрый вечер, - у Нади простой ласковый голос.

- А что надо? - старуха в сковородку смотрит и мешает, скребет ножиком.

- Полтинника у вас не найдется до завтра? Старуха и не повернулась.

- ...до утра, - прибавила Надя. - Нету, может быть, - говорит Надя сочувственным голосом и даже двинулась идти.

- Почему нема? Есть в мене полтинник. И рубль есть. - И все ковыряет ножиком. - А не дам! - и повернулась всем лицом. - Краля!

- Так и скажите, что...

- А как тебе говорить? Ты кто есть такая? Лахудра! Наденька повернулась, не сразу открыла, возилась с щеколдой.

- Иди, иди, жалейся своему хахарю! Тьфу! Лук через тебя, шлюху...

Наденька хлопнула за собой дверь.